

КОЛДОВСКИЕ
МИРЫ

ГАЛИНЫ ГОНЧАРОВОЙ

**ПОЛЕТ
ЦВЕТА НЕБА**

ДРАКОН ЦВЕТА НЕБА

ДРАКОН ЦВЕТА СМЕРТИ

ДРАКОН ЦВЕТА ЛЮБВИ

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ДРАКОН
ЦВЕТА
ЛЮБВИ

A decorative illustration of a plant with several leaves and small flowers, positioned to the left of the title text. A thin, light-colored circular line is drawn around the text, partially overlapping the floral illustration.

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Дракон цвета любви / Галина Гончарова. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-197652-1

Все больше девушек обретают своего дракона, рвутся в небо, становятся на крыло. И все больше монстров лезет на сушу. Разрушены заставы, гибнут драконы и люди, опасно раскачивается на невидимой цепи мир...

Выдержит ли? Или сорвется в пропасть, откуда нет возврата? Властолюбие принца и безжалостность ученого против любви к небу и желания летать — что победит?

Если человек без чести и совести найдет способ управлять химерами, смогут ли драконы остановить их? Или уйдут в последний безнадежный бой в попытке отстоять свое гнездо?

Ответ не могут дать даже боги. И в небо уходит новый отряд...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гончарова Г.Д., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197652-1

Пролог

Санторин!

Великий и славный Санторин!

Изобильны его сады и плодородны поля, великолепны города и стремительны корабли, трудолюбивы крестьяне и прекрасны женщины.

Есть чем гордиться тору Санторина.

Но если спросить любого санторинца о том, чем славится его держава, он не скажет о пустыне, которая занимает чуть не половину страны.

Он не скажет о воде, которая, напевая веселые песенки, бежит в арыках, не произнесет ни слова о белых городах, вырастающих словно бы из местной земли. Белые города — и золотистые черепичные крыши...

Не скажет о женщинах и рабах, о животных и растениях, о миражах и песчаных бурях, о дворцах и храмах Сантора, которые в этой стране на каждом шагу...

Первое, что скажет любой санторинец о своей земле: мы гордимся своими воинами. Потому что каждый, живущий на земле Санторина, — воин.

Во имя Сантора воинственного, да будет остер его клинок.

Он скажет, какое большое войско у его страны, скажет, что каждый мужчина в свой третий день рождения получает в подарок щит, в седьмой — кинжал, а в десятый — меч. Скажет, что каждого ребенка в Санторине учат с трехлетнего возраста. Учат защищаться... если подарили щит — сумей отбить им летящий в тебя камень.

Учат нападать — если тебе подарили кинжал, знай, куда им ударить.

Учат воевать — только воинам позволены мечи.

А если начнут спрашивать дальше — расскажет и еще. Что все мужчины Санторина делятся на воинов и крестьян.

На свободных и рабов... рабов, конечно, больше. Но это и понятно, кто-то же должен заботиться о людях, которые защищают свою страну? Ах, на Санторин давно никто не нападал?

Так потому и не нападал, что мы умеем защищаться.

Мы хорошо умеем защищаться... и иногда нападаем первыми. Но это только во имя защиты.

А рабы...

Если человек слаб и бессилён, если он не может отстоять свою свободу с клинком в руках, он ее не заслуживает. Сантор милостив и каждого награждает ношей по силам.

Если ты не можешь защитить себя — корми того, кто тебя защитит. Если ты не можешь распорядиться своей жизнью, не можешь ее отстоять — она будет принадлежать сильнейшему.

Это — закон Санторина.

Это его правда, вошедшая в плоть и кровь каждого человека.

И если их спросят — какая же тут справедливость и защита, когда хозяин имеет право сделать с рабом все, что ему захочется: продать, подарить, убить, пытать...

Любой санторинец только рассмеется в лицо глупого иноземца.

Это просто и понятно.

Если ты не можешь защитить себя — тебя все равно могут убить, пытать... и далее, что там еще бормочут эти смешные люди. Так какая разница, когда это произойдет?

Чуть раньше, немного позже?

Конец все равно один — смерть. Поэтому хозяин и волен в жизни и смерти раба.

И только в Санторине — Сантор справедлив — раб может получить свободу через ритуальный поединок.

Если он одолеет своего хозяина в честном бою, он получит свободу. А заодно и все его имущество.

А если чужеземцы (ну и недоумки же водятся в других странах) будут продолжать упорствовать и начнут спрашивать, как человек, который никогда не сражался, может победить того, кто тренируется с детства, им ответят: все просто.

Над каждым поединком воля Сантора. И если на то будет его желание, человек может взять в руки меч в первый раз в жизни и победить даже Величайшего. Это так просто и так понятно...

Но иноземцы глупы, как пустынные санторинские козы!

Им не понять, что составляет основу жизни каждого санторинца.

Бой!

Великий бой до смерти, без пощады...

И сейчас этот бой шел в маленьком роскошном дворце на побережье Санторина. Именно такой бой, жестокий и безжалостный, потому что одна из сторон не знала ни жалости, ни чувств, а вторая сторона не привыкла сдаваться.

Бой шел между химерами — и охраной Величайшего.

Жуткий бой.

Чудовищный в своей жестокости и безрассудстве.

Клинки пластали и полосовали студенистые и чешуйчатые тела, отсекали щупальца, резали и рубили, кололи и отбрасывали... бесполезно!

Химеры перли вперед. Монотонно, страшно, беззвучно...

Санторинцы тоже сражались почти беззвучно: нет смысла тратить силы на крик.

Разве что предсмертный...

Величайший в это время нахлестывал коня, стремясь удрать от поля боя подальше. Не был он трусом, да и клинком владеть умел, но химеры...

Такой страх есть у каждого.

У кого-то море, у кого-то драконы, у кого-то высота или темнота...

У тора Санторина это были химеры. Тор никому и никогда этого не показывал, но боялся их до истерики, до крика, до жуткого подсердечного ужаса — и ни одна сила в мире не заставила бы его сейчас остановиться.

Конь летел, Величайший вспоминал все, лишь бы не думать о том, что оставалось позади. Лишь бы не думать о химерах...

Как все это случилось?

Все было как обычно, дела шли, жизнь была прекрасна, и Величайший отправился в свой дворец на мысе Альбатросов. На рыбалку.

Есть у него такая слабость...

Несолидно? И что? А он не признается...

Но нравилось тору просто посидеть на причале с удочкой, посмотреть на воду, поймать рыбу... может, и не самую большую. Это неважно. А вот как плещется вода, как играет в ней рыба серебристыми боками, как тихо и спокойно предрассветным утром — и ни единого лицемера рядом. Вот где счастье-то!

Улыбки и поклоны, славословия и лесть — они могут показаться приятными только тому, кто никогда не пробовал дворцового варева, не хлебал его полной ложкой. А тор Санторина всегда, всегда искал в каждой чаше — яд, в улыбке — неискренность, в протянутой руке — змею.

Нельзя так жить?

Нельзя иначе выжить во дворце, глупцы!

Говорите о том, что в каждой душе есть хорошее, что надо делать добро, что боги вознаграждают праведных... может, вам и повезет. И вас действительно вознаградят смертью без мучений.

Только сильно на это не рассчитывайте. И заранее закажите приличное место на кладбище.

Во дворец Альбатросов тор брал с собой совсем немного людей, человек сто — сто двадцать.

Естественно, пятьдесят — охрана. Меньше ему никак нельзя.

Еще двадцать-тридцать человек — те, без кого не обойтись. Придворные, казначей, министры... зачем они на отдыхе?

А вот так!

У правителей не бывает отдыха. Никогда.

Помрет — и то работать заставят, служить примером для потомков.

Визирь, евнухи, любимые жены — немного, три-четыре, — наложницы, дети...

Вот и набирается постепенно, полегоньку... в этот раз набралось особенно много, почти сто пятьдесят человек.

Сыновья приехали, он даже слегка удивился. Но — бывает. Мало ли, кому и что понадобилось, старшие — уже наместники собственных небольших провинций, все шестеро, вот и собрались в гости.

Одному — одно, другому — другое. Так совпало, что все понадобилось именно сейчас.

Они приезжали, и тор даже слегка забеспокоился, но не настолько, чтобы уезжать. Известно же, дворец Альбатросов — лучшее место для просьб к Величайшему. Как раз он в хорошем настроении, как раз может что-то и выполнить — так почему не пользоваться? Известно это не всем, но близким — точно.

Вот и приезжают.

Вот и просят о всяких глупостях... это — бывает.

И в этот раз приехали, только попросить ничего не успели. Особенно добр и мягок он после рыбалки, а в этот раз и пойти туда не успел.

Ночью на дворец напали химеры.

Откуда они взялись?

Как появились?

Тор не знал. Он знал только, что ночью его разбудил доверенный евнух, буквально сдернул с кровати, заставил одеться... верный раб, жалко, если погиб.

Только он один знал о страхе своего тора перед химерами.

А еще он знал все потайные ходы. Во всех дворцах тора.

Не бывает такого, чтобы дворец стоял, а выход из него был только один. Нет, не бывает. В каждом дворце есть потайные ходы, в каждом дворце есть свои секреты, и знать их... да, то нужен талант.

Тор знал многие, но далеко не все. А вот доверенный евнух — он знал все. На то и доверенный.

Именно он вывел тора через потайной ход, именно он подвел ему коня.

Увы — единственного. До конюшни-то еще добраться надо... Себе он взял ослика, но понятно, что осел не сравнится в скорости с санторинским скакуном.

Откуда и что взялось?

Тор не знал, но евнух... старик всегда был не просто предусмотрителен — он жизнь готов был отдать ради своего повелителя. Неудивительно, что он предусмотрел...

Свистнуло боло.

Обвило ноги коня, захлестнуло, стреножило — покати́лся по земле вылетевший из седла правитель Санторина. Не закричал — воздух вышибло. А когда смог дышать, видеть, рассуждать — понял, что перед ним стоят несколько человек, и осознал — спасен!

Его старший сын, Баязет, старик-евнух, еще несколько стражников...

— Сын!

Только вот слова, которые произнес сын, не подошли тому, кто связан с тором общей кровью.

— Взять его!

На тора навалились, схватили, связали... от потрясения он даже кинжалом воспользоваться не успел. Куда там! Изумление было так велико, что он смог только два слова выдать:

— За что?!

И первым, как ни странно, ответил не сын — евнух.

— За Алиту, за мою девочку... не помнишь? А я — помню! Ты приказал ее запороть!

Алита, Алита... запороть...

И столько ненависти в темных глазах, столько ярости... да мало ли кого приказал запороть тор?! Значит, было за что!

— Ты даже не помнишь. Она просто случайно толкнула вазу, та упала и разбилась, а ты — ты сказал, что ваза ценнее человека! И приказал убить единственного человека, которого я любил!

Этот случай тор помнил.

Безмозглая девчонка-служанка, глупая тварь — и ваза... Ладно, не такая уж старая и не такая ценная, просто чем-то она нравилась тору. Конечно, девчонка был запорота до смерти, и ничего удивительного в этом нет. Что еще с ней надо было сделать? Простить, что ли? Ваза была тору дороже десятка рабов.

Баязет развел руками:

— Ты, отец, никогда не думал о людях. А я думаю. И поэтому сяду на трон. А ты, ну и мои братики тоже, — покойтесь с миром. Санджар! Что у тебя там?!

— Все готово, мой тор! — отозвался голос из темноты, и тор Санторина задохнулся от ярости.

Предатели!

Подлые предатели и гады!

Как они смеют, это же он, ОН — тор!

А потом его подхватили, грубо, словно куклу, потащили вперед, и мужчина увидел, что его ожидало.

Самый страшный кошмар его жизни.

Химеры.

Несколько десятков тварей пировали над чем-то сложно определяемым... или просто разум не хотел это определять?

Но вот мелькнула чья-то кисть, вот нога, вот...

И сейчас его тоже кинут химерам... Нет!

Лучше убейте сразу!

НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ!

Ужас ворвался в рассудок тора, тяжелый, подсердечный, ударил что есть сил, — и оковы разума не выдержали. И наступила темнота. Милосердная — тор перестал осознавать

происходящее, ужас был столь велик, что не выключил сознание. Он просто уничтожил личность.

В пасти к химерам полетел уже воющий безумец.

Баязет пристально смотрел на происходящее. Ему тоже было что вспомнить.

Отец, да? Отец, который постоянно стравливал его с братьями, который все время искал лучшего, который выводил их и натаскивал, словно волчат, на кровь, который делал все, чтобы они оказались у него на цепи.

Так что ж удивляться, что цепь разорвалась?

Разорвалась, хлестнула, и Баязет теперь свободен.

А ведь все было так просто, так легко и приятно. Старик-евнух за ту глупую девчонку пошел на все. Говорят о первой любви, но есть еще одна, о которой почему-то не думают поэты. Любовь последняя. И она бывает намного страшнее первой. В юности-то все еще впереди, а вот когда понимаешь, что больше ничего и не будет, что это — твой последний солнечный лучик, когда тебя лишают этого счастья... убьешь? Это еще мягко сказано.

Евнухи не умеют любить?

Ошибаетесь, это постельные радости им недоступны, и то не всем, а вот любить они умеют. И душа у них тоже есть, и страсть они могут испытывать, и нежность — это ведь тоже люди, хоть и обработанные. И чем же думала Лелея? Странная богиня, жертвенники которой все же стоят в Санторине, не наравне с Сантором, но, пожалуй, почти такие же посещаемые. И сколько же женщин к ним ходят, а иногда и мужчины.

В Санторине чтят только Сантора, но Лелея...

Ее опасаются. Ведь богиня может раздавить в своей руке даже самое сильное сердце. Вот и раздавила. Погибло сердце евнуха — и жертвой на его могиле стал тор Санторина. Какая ирония!

Евнух коснулся руки Баязета:

— Сынок...

Принц аж вскинулся от гнева:

— ЧТО?!

— Окажи мне последнюю милость? Убей меня?

А вот этой просьбы Баязет не ожидал.

Понятно, он собирался и так убить евнуха, ну глупо же оставлять в живых того, кто предал своего господина и повелителя. Но не сразу же? Не сейчас? Не при стражниках, которые ему помогли, то-то достойная награда за заговор, чтобы все увидели...

Евнух как понял. Вскинул голову, заговорил громче, отчетливее, так, что даже крики химер перекрыл:

— Ты не думай... я не со зла. Я все передал преемнику, он ничего о заговоре не знает, ты проверь потом. Он хороший, Хаджи-бар:¹ он справится. А меня ты убей. Здесь и сейчас. Своей рукой, сможешь ведь?

— Смогу, конечно. — Баязет почему-то решил подержать безумный разговор. Хотя понятно почему. Потому что стража слушает, потому что наутро это станет Историей. Да, именно так, с большой буквы. — Но зачем тебе умирать? Живи сколько отпущено, служи мне...

— Мне незачем жить, тор. Единственный человек, которого я любил... единственная душа — ушла. И я хочу к ней, к Алите. Освободи меня своей волей — и убей. И я пойду искать ее и падать в ноги Лелее... я жил только ради мести, я ее совершил, я могу быть свободен.

Баязет наклонил голову.

А пожалуй, евнух заслуживает уважения?

Останься он в живых... да, Баязет убил бы его. Но вот здесь и сейчас он может признать очевидное. В искаленном теле живет душа бесстрашного воина. Жила, задушенная грузом лет, обстоятельств, неурядиц, а потом пришел момент — и она выглянула наружу. Да так мощно...

— Пожалуй, я сделаю больше, чем ты просишь. Ты знаешь, где похоронили твою Алиту?

— Не хоронили нигде. Сожгли и пепел над заливом развеяли.

---

¹ «Бар» — приставка в санторинском для рабов и рабынь. Обязательна для произнесения и обозначения статуса. (Здесь и далее — прим. авт.)

— Если пожелаешь — я прикажу сделать с твоим прахом то же самое.

Евнух (Баязет даже имени его не помнил, он всегда говорил о себе: «Я лишь прах под ногами моего господина») медленно поклонился:

— Сделай это, Величайший. Прошу.

Баязет кивнул.

Блеснул в руке острый клинок, жертва и охнуть не успела. Повалился наземь, дернулся пару раз — и всё. Баязет бил наверняка, чтобы сразу в сердце, без мучений. И повернулся к страже:

— Ну?! Слышали, о чем говорил? Положить честь честью на костер, пепел собрать и над заливом развеять.

Стражников и уговаривать не пришлось. И разговор слышали, и понимали — по-человечески. Правильный это поступок, так и надо было сделать. Баязет довольно ухмыльнулся.

Да, вот так и должно.

Именно из таких действий и складываются легенды. А теперь пора брать в свои руки трон.

А ведь все просто, все так просто... и евнух, который дал знать, когда тор поедет на рыбалку.

И Санджар, который приманил химер на боль и смерть.

И сам Баязет, который постарался... украл у отца печать да и написал родственничкам приглашения. Чем больше их попадет химерам в щупальца, или что там у химер, тем ему заботы меньше. Проживи они хоть день — все бы выяснилось и ему бы не поздоровилось. Но кто им даст прожить?

Правильно, никто...

Жаль — не все приехали, еще человека два или три осталось. Но это уже не так страшно, до них Баязет тоже доберется.

Баязет улыбнулся и повернулся к своим людям.

Надо брать власть в свои руки.

И начать с самого простого. Вот несчастье-то, вот беда, случился налет химер на побережье, и Баязет, как ни спешил к отцу на помощь, немножко не успел.

Так, самую чуточку.

Зато он вполне успеет похоронить умерших (проследить, чтобы не выжил никто лишний), собрать все символы власти и документы, и отправиться в столицу. Небольшие беспорядки, конечно, будут, но ничего. С этим он справится.

А дальше...

Дальше будет много всего приятного и интересного.

Тор Баязет — это звучит. Но Баязет — Повелитель мира звучит намного приятнее, не правда ли?